

отношения с будущей женой именно на этом фундаменте. Но, как выясняется, с «Лизанькой» он ведет себя точно таким же образом. Губенко излагает содержание писем: «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал ее руки, предлагая свою жизнь, помощь в воспитании ее малолетних сестер».

Этот факт поразителен. Тридцатитрехлетний, все еще отбывающий наказание и лишенный гражданских прав рядовой, вчерашний каторжник без каких-либо видов на будущее – готов связать свою жизнь с юной девушкой из совершенно чуждой ему социальной и культурной среды. Трудно, почти невозможно представить этот гипотетический брак. Тем не менее вопрос был поставлен.

«...Во всех письмах Достоевского, – пишет Губенко, – было выражено чувство не как только к женщине, а как к человеку, в котором он искал найти не только женщину, а друга». Годилась ли Неворотова на эту роль? В момент знакомства оба они как бы уравниены силою обстоятельств. Но обстоятельства рано или поздно должны были измениться.

Е.М. Неворотова говорила Губенко, что не могла устроить своего счастья, поскольку ей нужно было воспитывать сестер. Но ведь Достоевский как раз и хотел споспешествовать осуществлению этой задачи. Он не просто ищет ее руки. Он предлагает *помощь*: больше ему нечего предложить.

Мог ли еще не прощенный, отбывающий приговор политический преступник рассчитывать на то, что ему будет разрешено вступить в законный брак? Конечно, надежды возлагались на будущее. Но, когда это будущее наступило, его сердце уже принадлежало другой.

«Лучше бы никогда не любить...»

О Марии Дмитриевне, как уже говорилось, известно сравнительно мало. Нет главного источника – ее собственных текстов. До нас не дошло *ни одного* ее послания к Достоевскому; вообще неизвестна ее переписка – за исключением единственного краткого послания к сестре. Из многочисленных писем Достоевского к ней уцелело только одно. Между тем он писал ей в Кузнецк едва ли не с каждой почтой.

Куда исчезла эпистолярная? Сколь это ни прискорбно, приходится допустить, что хранительная рука Анны Григорьевны, ревностно оберегавшей мужнин архив, в этом случае дрогнула. Или, если угодно, стала еще более *ревностной*. Подлинные свидетельства другой любви и другого брака, как бы они ни были драгоценны для биографа, непереносимы для женщины любящей. Эти *профессии* не должны совпадать. Всегда есть опасность, что «вечно женственное» возобладает над скупым историческим долгом.

Очевидно, Анне Григорьевне было не слишком приятно читать появившиеся в 1912 г. воспоминания 79-летнего А.Е. Врангеля, весьма расположенного к первой жене своего семипалатинского друга. Мужской взгляд мемуариста не обнаруживает в Марии Дмитриевне серьезных изъянов: «довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная». Благосклонен автор и к духовному облику героини: «начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна». Все это, несомненно, выделяло Марию Дмитриевну – полуфранцуженку, для которой язык светского общества был родным, – из среды провинциальных семипалатинских дам. Ее поклонник, в молодости свалившийся в обморок при виде светской красавицы (в старости в обморок будут падать *перед ним*), и сейчас еще непривычен к дамскому обществу. Первый серьезный опыт – это Семипалатинск. Он встречает женщину умную, отзывчивую и, главное, близкого ему культурного круга. Если даже она не читала его ранние вещи, то по меньшей мере должна была слышать его имя. Семипалатинск, конечно, ссыльными не удивишь. Но бывшие петербургские литераторы, чья вина в отличие от